

В последующие дни Фэн Цзю больше не видела Дун Хуа.

Сначала она подумала, не разрушила ли она его планы, и была уверена, что он собирается наказать ее за это. Еще не совсем оправившись от простуды, она придумывала контрмеры, если снова увидит его. Но в течение нескольких дней школа не назначала Дун Хуа на очередную лекцию. Однажды днем после окончания занятий она обратила пристальное внимание на принцессу Цзелу, которая всегда проявляла большой интерес к Дун Хуа, но единственное, что она слышала от нее, было сетование, что он не пришел преподавать. Больше ничего ценного не упоминалось.

Дун Хуа пришел сюда, чтобы увидеть Цзи Хэн. Теперь, когда они увидели друг друга, возможно, он вернулся на Девять Небес. Но если он любил ее, почему просто не увез ее отсюда? Зачем ждать встречи каждые десять лет? Может быть, это одно из новых увлечений, которые он открыл для себя за последние несколько сотен лет? За те годы, что она провела вдали от него, Дун Хуа действительно стал более загадочным.

Сегодня Мэн Шао пригласил ее и Сяо Яня в Цзуйлисянь, известный ресторан в столице, чтобы выпить. Владелец ресторана недавно нанял самую красивую танцовщицу во всем городе. Мэн Шао наблюдал за ней с большим удовольствием. Затем, выпив несколько рюмок, он раскрыл тайну четырех питонов, охранявших дерево Саха. Но речь Мэн Шао, в отличие от его эссе, никогда не была связной. Тайны, о которых он говорил, были запутанными и беспорядочными. Благодаря способности Сяо Яня кратко суммировать события, они смогли прийти к выводу, что 15-го числа каждого месяца питоны оставляли свои столбы, чтобы впитать мистическую сущность с неба и земли, и таким образом в течение нескольких часов некому было охранять волшебное дерево.

Стоило ли им попытаться счастья во время этого перерыва?

Кстати, в эту самую ночь было полнолуние, и это было самое лучшее время для решительных действий. Как знать, может быть, волшебный плод уже сегодня ночью будет в ее руках.

Слушая Фэн Цзю, Сяо Янь поверил, что фрукты Саха в этом году могут также сделать из человека настоящего мужчину, помимо других видов невыгодного использования, про которые он уже знал. Он с радостью присоединился к компании. Для начала он соединил подземный ход под городскими стенами с источником Цзею. Разыгрывая героя, он даже вызвался заранее исследовать их путь.

Фэн Цзю чувствовала себя немного виноватой, прежде чем Сяо Янь так героически прыгнул в этот черный туннель. Прошло много времени, а он так и не вернулся. Было бы смешно, если бы воин Сяо Янь был поглощен засасывающими энергию питонами. Но в конечном счете он был демоническим лордом, который совершил много злодеяний в прошлом. Что, если Небеса наказывают его на этот раз? Она уставилась в бездонную пропасть, зажмурилась и тоже спрыгнула вниз.

Небесная пещера. Этот выразительный термин использовался для обозначения того, что в

конце темной пещеры должно было быть голубое небо. Созданный Сяо Янем проход почему-то превратился в треногий перекресток. Прежде чем она поняла, что делать, она упала на дно одной из этих тропинок. Сяо Янь сказал, что туннель, который он сделал, соединен с источником Цзею. Как только она выйдет из туннеля, он должен привести ее прямо к источнику, где вместо воздуха ее встретит вода. Вот почему Фэн Цзю зашла так далеко, что заранее попросила у Мэн Шао водяную жемчужину.

Но пещера, в которую она упала, была огромных размеров. Над ее головой завывал ветер и стремительно проносились тяжелые облака. Внизу под порывами свирепствующего ветра раскачивался бесконечный зеленый лес. Она крепко обхватила себя руками, стоя на верхушке каменного купола. Это был не тот водный мир, о котором говорил Сяо Янь. Неужели она заблудилась? А Сяо Янь, который ушел на разведку и не вернулся, тоже заблудился? Браво, он сам сделал потайной ход и все равно заблудился. Гений, ничего скажешь. Клан демонов должен быть более милосердным местом, чем принято считать, раз Сяо Янь сохранял свой трон все это время.

Фэн Цзю спряталась среди зелени, массируя ушибленное плечо. Кроваво-красная Луна низко висела на дальнем конце горизонта. Такой пейзаж, несомненно, был зловещим. Скорее всего, она попала в запретные демонические земли. Сяо Янь не выходил у нее из головы. Пока она раздумывала, искать ли его здесь или повернуть назад и искать у источника, в конце леса вдруг раздался смех. Должно быть, это красивая молодая демоница, подумала Фэн Цзю, так ее смех резал слух. Не видя демонов уже много лет, она хотела хотя бы украдкой взглянуть на нее, прежде чем покинуть это место. Поэтому она скользнула вниз, прижалась к листьям и выглянула наружу.

В конце цветочной дорожки ей на глаза попало божество в пурпурном одеянии, сидящее в позе лотоса, с мечом на боку... Разве это не Дун Хуа Дицзюнь, которого она не видела уже несколько дней? Что он здесь делает? С закрытыми глазами он, казалось, медитировал. Когда она уже собиралась подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть, пара гладких рук цвета слоновой кости скользнула к его плечам и медленно обвилась вокруг талии. У его плеча появилось очаровательное лицо. Черные волосы незнакомки переплелись с его серебристыми, а улыбка ее была изящной, как орхидея.

- Ваша светлость, вы приходите только раз в десять лет. Вы хоть представляете, как я по вам скучала, как мучительно вас ждала?

Ее сладкие слова долетели до ушей Фэн Цзю. Сидя на ветке дерева, она потеряла хватку и неосторожно упала на землю. Манящие глаза девушки устремились в ее сторону, и, все еще обнимая голыми руками шею Дун Хуа, она рассмеялась: «Есть ли на свете кто-нибудь, кто так же плох в ухаживаниях, как вы? Как вы можете приводить на свидание со мной еще двух женщин? А вы не боитесь, что я опечалюсь?..»

Здесь было довольно ветрено, почему его одежда была такой тонкой?.. Пока Фэн Цзю размышляла над этим, она отвела взгляд и поняла, что имела в виду девушка, когда сказала «двух женщин». Оказалось, что под деревом уже давно стоит кто-то еще, и это была никто иная, как принцесса Цзи Хэн в развевающемся белом платье. Сегодня не только платье принцессы было оттенка снега, но и цвет ее лица было морозно-белым. Она посмотрела на Дун

Хуа, ее губы сжались в тонкую линию, на лице застыло страдальческое выражение. Фэн Цзю стало жаль ее. К счастью, Дун Хуа решил открыть глаза именно в этот момент. Сильный порыв ветра потряс лес, и на землю обрушился шквал лепестков. Под цветочным дождем Дун Хуа нахмурился, глядя в сторону юных леди, и спросил: «Зачем ты пришла сюда?»

Не «вы двое», а просто «ты». Фэн Цзю почесала голову, пытаясь придумать ответ, в то время как Цзи Хэн горестно запричитала позади нее: «Учитель, я беспокоилась за вас. Мне было так трудно найти дорогу сюда, но вы... Я...» Фэн Цзю спокойно осмыслила сценарий; выходит, Дун Хуа спрашивал Цзи Хэн. Она выдохнула и наострила уши, ожидая услышать продолжение слов Цзи Хэн. Пока она ждала, она заметила летающие в воздухе лепестки. Они напоминали священные цветы Фулин на Девяти Небесах, которые она когда-то любила больше всего. Было удивительно, что они растут в этом грязном месте. Цзи Хэн больше не сказала ни слова, и Фэн Цзю подняла на нее глаза. Демоница дерзко прижалась лицом к Дун Хуа, а Владыка не выказывал ни малейшего намерения отодвинуться. В конце концов, Цзи Хэн не выдержала и, сжав руки в кулаки, повернулась и убежала.

В глазах демонессы, обхватившей Дун Хуа руками, все еще царила улыбка. Она сказала Фэн Цзю: «Эта молодая леди отличается от своей сестрицы по несчастью; она не убежала, увидев эту интригующую сцену. Ты хочешь остаться и посмотреть, как я с Владыкой занимаюсь любовью?»

Фэн Цзю некоторое время копалась, прежде чем нашла свой меч Таочжу. Она подняла голову и ответила соблазнительнице ослепительной улыбкой: «Милости прошу. Не вижу ничего плохого в том, чтобы остаться и посмотреть».

Хотя ее голова по-прежнему покоилась на плече Дун Хуа, выражение лица демонессы мгновенно изменилось. Ее смех прекратился, когда она понизила голос: «Ты меня раскусила?» Затем она усмехнулась и сказала: «Очень хорошо. Если ты хочешь пробраться через эту мутную воду, я исполню твое желание». В одно мгновение она отскочила на несколько шагов назад, а её красный дамасский пояс рванулся вперед. Это было движение, направленное на жизненно важную область шеи.

Всего минуту назад Фэн Цзю все еще размышляла, стоит ли ей вмешиваться в это дело.

Когда она впервые увидела эту пару сквозь густую листву, то тоже задумалась, с каких пор Дун Хуа влюбился в эту прекрасную чародейку. В то же время она задавалась вопросом, как он мог любить Цзи Хэн, одновременно испытывая привязанность к кому-то еще. Существовала ли такая любовь на свете? Какая же сложная эта штука под названием «любовь». Очень часто она не могла понять ее.

Только когда она невольно взглянула вверх и увидела, как надвигаются темные грозовые облака, и луна сменяет цвет с белого на малиновый, она внезапно осознала ситуацию.

Такие явные изменения могли произойти, только если между собой схлестнулись сильные противоборствующие силы. Цзи Хэн в порыве ревности убежала прочь, потому что не

заметила, что, несмотря на кажущуюся близость Дун Хуа и демонессы, между ними велась скрытая борьба.

Дун Хуа был так красив, что, возможно, демонесса действительно питала к нему чувства. С другой стороны, он оставил ее на произвол судьбы, возможно, для того, чтобы Цзи Хэн и Фэн Цзю успели покинуть это пагубное поле битвы. Фэн Цзю решила, что он беспокоился за нее и принцессу. Внезапно он показался ей добрым и благородным. Совсем другое дело, если бы она не распознала его доброту, но как она могла оставить его, когда он был так благороден?

Мерзкие духи практиковали мерзкое колдовство. Среди них соблазнение было одним из самых ужасных. Чем красивее была искустельница, тем легче ей было обольщать своих жертв. Не имело значения, был ли человек богом или демоном. Пока в сердце жила мирская тоска, попасть в ловушку было легко. Хотя Дун Хуа обладал феноменальной культивацией, он питал чувства к Цзи Хэн. И среди шести эмоций любовь всегда была на первом месте. Было трудно догадаться, каковы будут последствия, если демонесса использует свою силу обольщения на нем; присутствие Фэн Цзю могло помочь только отчасти. Она снова вздохнула. Почему этого не заметила Цзи Хэн? Ее помощь была бы как раз кстати, и у них было бы больше шансов на победу. Женщины... они всегда такие сентиментальные!

Фэн Цзю посчитала, что ее ситуационный анализ сегодня был исключительно быстрым. Ее движения тоже были быстрыми. Среди парящих цветов Фулин ее длинный клинок двигался, как вспышки света. Они сражались уже некоторое время, но дамасский пояс демонессы еще не коснулся ее тела. Фэн Цзю была вполне довольна своим выступлением сегодня.

Дун Хуа оперся на ладонь, наблюдая, как Фэн Цзю порхает и летит, словно белая бабочка под дождем из лепестков. Это был первый раз, когда он видел ее заверченный танец меча. Говорили, что искусству фехтования Фэн Цзю обучал ее отец Бай И. Если он правильно помнил, искусство фехтования Бай И было известно своей стойкостью. Но она продемонстрировала это гораздо мягче. Каждое движение было изысканно грациозным; ее равновесие и самообладание были также довольно хороши. То, что она была способна сразиться на дуэли с Мяо Ло, которая была рождена в Царстве Хуэймин, в ее возрасте и на данном этапе совершенствования, можно было рассматривать как редкость.

По правде говоря, Фэн Цзю не ошиблась в своих первых выводах. Целью поездки Дун Хуа на этот раз было усмирение зла. Однако эта девушка не была обычным демоном. Она была проявлением трех токсинов, просачивающихся из царства Мяои Хуэймин. Как только проявится эта сущность, даже Небесному Владыке впору будет забеспокоиться. Тем не менее, Дун Хуа поймал ее изначальную сущность в зеркальном мире Хуэймин. Каждые десять лет небольшое количество токсина вырывалось наружу и попадало в живой мир. Она была более могущественной, чем обычные демоны, но все же не вызвала особого беспокойства у Дун Хуа.

Он не собирался подпускать демонессу близко к себе, чтобы прогнать Цзи Хэн и Фэн Цзю ради их собственной безопасности. Чем ближе демоница была к нему, тем легче она могла использовать свою силу обольщения. Но чем ближе она была к нему, тем легче он мог ее уничтожить. Не было никакой необходимости отталкивать ее.

Фэн Цзю неправильно поняла, и решила, что он действовал ради нее и Цзи Хэн, и была даже тронута этим маленьким жестом.

Тем не менее, это все еще была враждебная среда. Хотя Мяо Ло была только проявлением истинной формы, она все еще была внушительной угрозой по сравнению с Фэн Цзю и Цзи Хэн. Вполне естественно, что им стоило ее бояться. Он не знал, почему Цзи Хэн здесь, но она поняла опасность и убежала; казалось, она была достаточно умна. По его мнению, Фэн Цзю была явно умнее Цзи Хэн. Можно было подумать, что она ускользнет еще раньше принцессы, но вместо этого она почему-то осталась.

Он изучал ее некоторое время, и вдруг его одолели сомнения. Какое-то мгновение он не мог поверить, что девушка в белом одеянии, защищающая его, была той самой Фэн Цзю, которую он знал. И хотя ее внешность была скрыта магией, он мог ясно видеть ее метку цветка Феникса... и это было по-настоящему. Ее сверкающие глаза были такими же, какими он запомнил их на Девяти Небесах. Неужели она действительно думает, что им манипулирует чародейка и хочет спасти его?

Дун Хуа оперся на ладонь и спокойно посмотрел на Фэн Цзю, которая стояла с мечом в руке. С того дня, как он родился из Синего моря и поднялся буквально по горе из скелетов до вершины мира, до сих пор было много тех, кто приходил просить его защиты, но он никогда не думал, что найдется кто-то, кто захочет защитить его. «Защита», упомянутая рядом с его именем, была всего лишь забавной шуткой. Но прямо здесь, прямо сейчас, под дождем из лепестков, хрупкая молодая королева из Цинцю фехтовала своим тонким клинком против гораздо более грозного монстра, чтобы защитить его. Для Дицзюня это был определенно интересный сюрприз.

Когда Фэн Цзю вытащила свой меч во второй раз, она поняла, что ее шансы победить демонессу были очень малы. Она осталась, чтобы помочь ему, но это было пределом ее намерений. Она лишь планировала выиграть достаточно времени для Дун Хуа, чтобы дать ему шанс действовать. Она и не думала вырывать у Дун Хуа из рук задачу убить Мяо Ло.

В первой половине их битвы Фэн Цзю чувствовала, что защищалась довольно хорошо. В следующей половине она очень надеялась, что Дун Хуа скорее покинет свое место и протянет ей руку помощи. Когда она посмотрела на него, Дицзюнь опирался на ладонь и смотрел на нее с ярким блеском в глазах. Она едва разглядела его шевелящиеся губы, которые, если она не ошиблась, произнесли три слога. Фэн Цзю молча размышляла. Между первым и вторым, а также вторым и третьим слогом были мистические паузы. Возможно, в этом был какой-то возвышенный смысл, и это помогло бы ей быстро совершенствоваться в фехтовании. Но ветер слишком громко завывал при каждом взмахе ее клинка. Какие именно три важных слова он произнес? В тот момент, когда дамасский пояс вцепился ей в плечо, она, наконец, поняла. Он сказал: «Внимание! Будь осторожна!»

К счастью, пояс был быстрым, но удар вышел не очень сильным. Он лишь вырвал кусок ее шелкового платья, следующий удар Фэн Цзю удалось отразить своим мечом.

Когда Фэн Цзю отразила атаку противника, она подумала о мощи, исходящей от красного

пояса Мяо Ло только что. Еще немного, и ее меч был бы выбит из ее рук, но по какой-то причине энергия пояса значительно ослабла. Она воспользовалась своим шансом и нанесла ответный удар, оттолкнув Мяо Ло на два шага назад. Когда ее фехтование стало таким феноменальным?

После того, как демоница восстановила равновесие, она внезапно со странной улыбкой посмотрела мимо Фэн Цзю. В эту долю секунды Фэн Цзю поняла, что во время их схватки они вдвоем переместились на расстояние дюжины шагов от того места, где сидел Дун Хуа. Мяо Ло явно улыбалась ему. У нее не было времени подумать, как ее тело уже отреагировало, и отскочило назад. На этот раз пять красных дамасских поясов полетели к Дун Хуа, словно пять электрических змей.

Фэн Цзю заслонила собою Дун Хуа, и их отбросило на несколько метров. Место, на котором он сидел, мгновенно исчезло за извивающимися красными дамасскими поясами. Она покрылась холодным потом и подумала про себя, как это было опасно. Прижимаясь к Дун Хуа, она поняла, почему он не бросился ей на помощь все это время. Скорее всего, потому, что он был во власти колдовства демонессы и не мог двигаться.

К счастью для него, сегодня она была очень добра и решила остаться и помочь ему. Она не знала, что случилось бы с ним в противном случае. Она всегда сочувствовала беззащитным людям. Думая о том, что Дун Хуа редко попадал в такие передряги, она мягко ответила на его взгляд, не чувствуя никакого смущения, глядя ему в глаза. Ее сердце почему-то переполнялось сочувствием... На самом деле, она слишком плохо понимала его все это время. Дун Хуа Дицзюнь ничего не сделал, потому что хотел посмотреть, как далеко она может зайти, чтобы спасти его.

Дамасские ленты в руках Мяо Ло напоминали живое существо. Не попав в цель, они тут же сменили направление и вновь устремились к ним двоим. Если бы этот пучок электричества попал в нее, ее бы наверняка вырвало кровью. Ей было довольно легко увернуться одной, но тащить с собой парализованного Дун Хуа... Пока она обдумывала это трудное решение, она почувствовала, как ее тело перекачивается по земле, уворачиваясь от удара магических лент. Прежде чем она успела растратить свою энергию, ее уже поднял ветер. Ее рука, держащая меч, была сжата чужой рукой, как и ее талия. Дун Хуа тихо сказал ей сзади: «Смотри внимательно». Она широко раскрыла глаза, когда ее тело двинулось вперед, а блестящее лезвие взметнулось вверх, как вихрь снега. Она не могла видеть, куда Дун Хуа ведет ее, или каким образом он управляет ее мечом Таочжу. Когда к ней вернулось зрение, единственное, что она увидела, были обрывки красной дамасской ткани, летящие в небе. Блестящий конец лезвия кровоточил, а в центре лба Мяо Ло зияла глубокая рана.

Фэн Цзю всегда считала себя опытной бессмертной. Хотя она сама не пачками уничтожала демонов, она много раз видела своих дядей и тетю на протяжении многих лет. Она не видела ни одного демона столь же злого, как Мяо Ло, но Дицзюнь уничтожил ее одним ударом меча. И вновь его способности не могли не вызвать восхищения.

Дун Хуа вытер меч Таочжу и вернул его в ножны. Пылающие лепестки рассыпались по лесу, как падающие снежинки. Они дрейфовали все дальше и дальше, пока совсем не исчезли. Время от времени несколько из них падали ей на руку, но она их не чувствовала. Затем она

поняла, что призрачное море цветов, которое она видела, было просто иллюзией, созданной демоном.

В густом лесу громко завывал ветер. Дым начал подниматься от ног Мяо Ло - это был знак ее неминуемой смерти. Ее глаза широко раскрылись, когда она с ухмылкой посмотрела на Дун Хуа.

- Слухи о небывалом самообладании Вашей Светлости ходят по всем Царствам. Я давно хотела узнать, действительно ли ваше сердце так спокойно, как они говорят. Наконец мое желание исполнилось.

В ее холодных глазах промелькнула вспышка, словно кто-то поведал ей смешную шутку.

- Я не знала, что слабость Вашей Светлости - это море цветов Фулин. Как интересно, в самом деле! Мне любопытно, что вы храните в своем сердце - это цветочное море или кого-то, спрятанного внутри него?

Она хихикнула еще дважды: «Самое могущественное божество в мире, так называемый святой, достигший уровня целеустремленности в девяти умственных состояниях, скрывает такую шокирующую тайну... Интересно, интересно, ин...» Она не успела закончить свое последнее слово, когда оно растворилось вместе с ее телом в дымном разреженном воздухе.

Фэн Цзю с широко раскрытыми глазами слушала последние слова Мяо Ло и с широко раскрытыми глазами смотрела, как демоница превращается в тоненькую полоску дыма. Она думала, что такая битва бывает раз в жизни. Дун Хуа не мог помочь ей, но шанс уничтожить монстра выпадает не часто. Ее возбуждение только начинало разгораться, но... неужели все уже закончилось?

Дым расселся, и теперь можно было разглядеть освещенный лунным светом пейзаж вокруг. Фэн Цзю начинала что-то подозревать. Всего секунду назад Дун Хуа сидел как деревянный истукан. Как он мог вмешаться в этот критический момент с таким спокойствием? Неужели он снова обманул ее? Она молча восхищалась своим спокойным принятием этого факта. Ее столько раз обманывали, что она уже привыкла к этому. Фэн Цзю небрежно укоротила свой меч до длины ладони и спрятала его обратно в рукав. Затем она мимоходом обернулась и бросила прощальный кивок в сторону Дун Хуа. Зачем она осталась, чтобы потешить свою добродетель, когда знала, что недостаточно хороша? Теперь он снова будет смеяться над ней. Ничего, на этот раз она покажет себя с лучшей стороны и подарит ему этот акт благородства бесплатно.

Когда она отошла в сторону под этим открытым ясным небом, Дун Хуа спросил ее в своей неторопливой манере: «Зачем ты пришла сюда?»

Этот вопрос прозвучал слегка знакомо. Фэн Цзю немного наклонила голову, затем скептически указала на себя со словами: «Ты спрашивал меня?»

Луна начала прятаться за облаками. Дицзюнь бросил на нее взгляд и ответил: «Неужели я выгляжу так, будто разговариваю сам с собой?»

Фэн Цзю сохранила удивленное выражение на лице и снова указала на себя.

- Я имела в виду, когда упала с дерева, и ты спросил принцессу Цзи Хэн: «Зачем ты пришла сюда?», ты на самом деле хотел задать этот вопрос мне?

Дун Хуа махнул рукой и наколдовал низкую длинную софу. Он сел и вопросительно уставился на нее: «Если нет, то кого, по-твоему, я спрашивал?» Увидев ее растерянный взгляд, он повторил: «Ты все еще не ответила мне. Зачем ты пришла сюда?»

Повторный вопрос Дун Хуа вызвал воспоминания в ее хаотичном сознании. Она должна была украсть плод Саха сегодня вечером, но почему-то разволновалась, как только вытащила свой меч, и, в конце концов, забыла свою первоначальную цель. Она вдруг вспотела при мысли о том, сколько времени потеряла. Ей оставалось только небрежно ответить: «Я просто прогуливалась. Когда я увидела, что тебя третируют, я решила помочь. Я и не подозревала, что меня обманывают». Фэн Цзю ускорила шаг и пошла прочь.

Позади вновь раздался неторопливый голос Дун Хуа: «Ты уходишь, не взяв меня с собой?»

Фэн Цзю обернулась.

- Зачем мне брать тебя с собой?

Дун Хуа не последовал за ней. Вместо этого он вальяжно развалился на своем диване. Когда он увидел, что она обернулась, он небрежно ответил: «Я ранен. Ты сможешь оставить меня здесь и чувствовать себя спокойно?»

- Да, - беспристрастно кивнула Фэн Цзю. - Очень даже, - порывисто добавила она, увидев приподнятую бровь Дун Хуа. В это время ее марширующие вперед ноги почему-то сами по себе начали спотыкаться. А вскоре и вовсе развернулись и подвели к ее дивану, на котором восседал Дун Хуа. Она с досадой вцепилась в подлокотник.

- Ты...

- Похоже, ты не в своей тарелке.

Фэн Цзю не могла вымолвить ни слова. За те несколько дней, что они не виделись, Дицзюнь отточил свои навыки бесстыдства до совершенства. Она обуздала свой гнев с той рациональностью, которая у нее еще оставалась, и смягчила тон: «Прошу простить меня за мое невежество. Мне показалось, что тебе вполне удобно, и я действительно не вижу, где на твоём королевском теле есть раны».

Легкий ветерок трепал рукав мантии Дун Хуа. На его правой руке действительно была длинная рана, из которой теперь лилась теплая кровь. Мгновение назад ее там не было, возможно, она была скрыта темным оттенком одежды. Ей рассказывали, что кровь Дун Хуа никогда не проливалась с тех пор, как он правил Вселенной. Было большой редкостью видеть, как он истекает кровью от такой раны. Она шагнула ближе к нему и с волнением заметила: «В красном цвете есть золотой пигмент, очень подходящий для крови Владыки. Из того, что я читала, чаша этой крови стоит 1800 лет бессмертного культивирования. Интересно, это правда?»

Дун Хуа поднял бровь и вздохнул: «У нормального человека первой мыслью было бы, как остановить мое кровотечение».

Воодушевление Фэн Цзю не так-то просто было уменьшить. Она быстро ответила: «Даже если я еще не считаюсь красавицей, дайте мне еще десять тысяч лет, и я обязательно приобрету этот статус. Среди кипы сценариев моей тети никогда не было такого, чтобы герой намеренно выказывал свою слабость красоте после ее спасения. У тебя, должно быть, есть скрытый мотив показать мне свое увечье. Это не первый раз, когда ты мне лжешь. Бьюсь об заклад, эта рана - всего лишь маскировка; ты думаешь, я настолько глупа?»

Дун Хуа посмотрел на свою рану, потом снова на Фэн Цзю. Через секунду он смягчил свой голос: «Ты становишься умнее день ото дня. За исключением того, что твой учитель не научил тебя самому основному уроку магии. Маскирующая магия, связанная с кровью, может обмануть только людей; она не может обмануть бессмертных».

Фэн Цзю никогда не слышала, чтобы Дун Хуа говорил так много. Его слова в какой-то степени имели смысл. Она отшатнулась в мгновенном испуге.

- Тогда выходит, эта рана настоящая?

Все еще сомневаясь, она шагнула вперед. Кровь действительно все еще хлестала из раны. Она быстро оторвала кусок своей юбки, чтобы остановить кровотечение, и с сомнением пробормотала: «Но есть много героев, которых я знаю, например, мой дядя; независимо от того, насколько серьезны его раны, он всегда старается скрыть их от моей тети. Мой отец тоже никогда не говорит матери о своих болячках. Даже напыщенный Чжэ Янь прячется от младшего дяди всякий раз, когда ему больно. Но твои действия - с таким мне сталкиваться никогда не приходилось».

Дун Хуа спокойно наблюдал за ней, пока она неуклюже перевязывала его рану и попутно терпеливо объяснял: «Ах, это потому, что по сравнению с ними я слабоват».

«...»

Теперь Фэн Цзю сидела на диване, на котором минуту назад сидел Дун Хуа. Она положила правую руку на спинку софы, чтобы уменьшить тяжесть головы Дицзюня. Другими словами, Дун Хуа уже положил голову на ее драгоценные колени. Как все обернулось таким образом?

Фэн Цзю уже четверть часа чесала в затылке, но так и не поняла, в чем дело.

За полчаса она отплатила Дун Хуа добротой за его проступок. После того, как она перевязала ему руку, она попрощалась с ним и отправилась по своим делам. На этот раз Дун Хуа ее не удержал. Однако, когда она попыталась по памяти вернуться назад, не смогла найти то место, куда упала в первый раз. Ее проницательность сослужила ей хорошую службу в это трудное время, когда она поняла, что Дун Хуа, должно быть, имеет к этому какое-то отношение. Она яростно обернулась, чтобы посмотреть на него. Прежде чем она добралась до отдыхающего Владыки, он протараторил: «Я забыл тебе сказать. Через двенадцать часов после того, как демон погибнет, это место автоматически закроется. Боюсь, уйти ты не сможешь».

Пока Фэн Цзю стояла в недоумении, Дун Хуа продолжил: «У тебя есть какие-то важные дела?»

Фэн Цзю ответила несчастно: «Мы договорилась встретиться с Янь Чиу...» Когда она собиралась добавить «пойти к ручью Цзею и украсть плод Саха», она вовремя одумалась и вместо этого сказала: «...чтобы сделать кое-что».

Минуту назад она думала, не была ли слишком мила с Дун Хуа, но теперь ее доброта оказалась своего рода удачей. Вместо того чтобы воспользоваться его недугом, она даже помогла перевязать его рану. Она тут же бросилась к Дун Хуа и подняла его раненую руку, чтобы показать ему доказательство своей доброты, и искренне спросила: «Дицзюнь, я ведь довольно хорошо перевязала твою рану? Тебе не кажется, что на этот раз ты у меня в долгу и должен отплатить за услугу?»

Он пристально посмотрел на нее.

- В этой повязке нет ничего особенного. Как ты хочешь, чтобы я отплатил тебе?

Она еще крепче вцепилась в его руку.

- Всё очень просто. Для меня это вопрос жизни и смерти. Есть одно место, куда я должна попасть; оно может заманить в ловушку такую убогую бессмертную, как я, но оно определенно не сможет удержать кого-то столь же великого, как ты. Если ты поможешь мне выбраться отсюда, я забуду про то, как ты оставил меня в долине Фаньинь на полгода и когда ты притворился, что превратился в платок. Что ты на это скажешь?

Дун Хуа продолжал смотреть на нее своими пронзительными глазами.

- Почему у меня такое чувство, что ты особенно долго держишь на меня обиду?

В чрезвычайных ситуациях Фэн Цзю могла проявить недюжинное терпение. Даже когда взгляд Дун Хуа буравил ее вот так, она не чувствовала особого волнения. «Как это может быть?» - ответила она так искренне, как только могла. Не получив никакой реакции от Дун Хуа, она

сделала паузу, а затем добавила: «Это потому, что ты единственный, кто всегда раздражает меня».

«А как насчет Янь Чиу?» - услышала она вопрос Дун Хуа.

Сяо Янь был довольно глуп, подумала Фэн Цзю. Ему повезло, что она не стала издеваться над ним. Если бы он посмел приставать к ней, это было бы величайшим событием в мире со времен сотворения неба и земли. Тем не менее, Сяо Янь все еще был лордом клана демонов. Будучи друзьями, она не должна его позорить. «Сяо Янь? Э-э, Сяо Янь довольно милый» - неопределенно ответила она.

Но такой неопределенный ответ прозвучал в лучшем случае нерешительно. Когда Дун Хуа замолчал и закрыл глаза, чтобы отдохнуть, Фэн Цзю подумала, что они ушли от темы. Она быстро вернулась к насущному вопросу: «Давай отложим в сторону вопрос о том, держу я на тебя обиду или нет. Скажи, ты собираешься помочь мне?»

Дун Хуа по-прежнему лежал с закрытыми глазами, его ресницы отбрасывали пышную тень. В конце концов, он возразил: «Почему я должен помочь тебе уйти, чтобы ты могла увидеть Янь Чиу?»

Она была уверена, что он пытается затеять с ней ссору. Но она знала, что Дун Хуа всегда предпочитал податливость жесткости. Она подавила свои опасения и очень красноречиво ответила: «Я помогла тебе, потому что мы с тобой знакомые. Раз уж я помогла тебе, ты должен помочь мне в ответ. Так поступают благородные люди». Если бы он собирался ответить в своей неразумной манере и сказать что-нибудь вроде «Сегодня я не чувствую себя достойным. Я не хочу тебе помогать», она бы точно расцарапала ему лицо. Но Дун Хуа неожиданно открыл глаза и некоторое время смотрел на нее. Затем он решительно сказал ей: «У меня нет возможности забрать тебя отсюда. Неважно, насколько безотлагательно твое свидание с Янь Чиу, тебе придется подождать еще двенадцать часов».

В голове Фэн Цзю будто что-то взорвалось.

- Значит, я точно пропущу нашу встречу?

Она возлагала все свои надежды на всемогущие силы Дун Хуа. Она не думала, что действительно застрянет здесь и упустит момент, чтобы украсть плод Саха. Дун Хуа, похоже, тоже не шутил. После этого он больше ничего не сказал.

Выходит, они и правда в тупике. Когда она посмотрела вверх, звездное небо больше не излучало лунный свет. Листья на деревьях шелестели на ветру. Если сегодня она упустит свой шанс, ей придется ждать до 15-го апреля, а это был целый месяц. Фэн Цзю устало соскользнула с низкого дивана и рухнула на землю. С яркого звездного неба вдруг хлынул дождь. Она вздрогнула и снова запрыгнула на диван. Словно занавес из сплошных жемчужных нитей, проливной дождь окутал густой лес. В эту темную ночь казалось, что злобная рука льет на них воду прямо из Небесного потока. Диван был единственным сухим укрытием, где не было

дождя.

Она слышала, что когда могущественные демоны погибают, бывает так, что задержавшаяся грязная энергия снова собирается в воздухе. Поэтому в течение сорока девяти часов необходимо было смыть все следы нечистоты дождевой водой. Только тогда уничтожение демона может быть полностью завершено. Значит, этот дождь, скорее всего, вызвал Дун Хуа.

Ночной дождь всегда вызывал сентиментальность. В голове тут же всплыли строки: «При свете фонаря блуждают мысли, печаль в ночи приносят дождевые капли». Дождь усилил собственную печаль Фэн Цзю. Дун Хуа, казалось, просто лежал без дела, но она знала, что на самом деле он использовал дождевую воду, чтобы смыть задержавшуюся темную энергию Мяо Ло. Вот почему он устроил это лежбище, чтобы не промокнуть и отдохнуть, зная, что застрянет здесь на некоторое время. Дун Хуа всегда был дотошным.

Фэн Цзю горестно сидела на диване, мысленно признав, что потеряла свою удачу из-за этого дождя. Она была уверена, что добудет плод Саха сегодня вечером, но у судьбы были другие планы. В любом случае, это она потащила Сяо Яня за собой, и подпишется ли он на эту авантюру снова в следующее полнолуние? От одной мысли об этом у нее начинала болеть голова.

Фэн Цзю начала придумывать возможные оправдания, чтобы Сяо Янь не злился на нее. Она не могла сказать ему правду. Он и так терпеть не мог Дун Хуа, но вместо того, чтобы навалить ему пару раз, пока представился случай, она бросила Сяо Яня, чтобы спасти Дун Хуа. Это было сродни предательству их дружбы. Хм... Должна ли она сказать ему, что заблудилась в запретных землях и всю ночь пробыла в плену у чудовища? Эта история была довольно правдоподобной, за исключением того, что если она собиралась ей следовать, ей нужно было придумать еще одну ложь о том, как она в конечном итоге сбежала. Эта часть была более проблематичной. Затем, сама того не желая, она пробормотала вслух: «Ни одно из этих оправданий не сработает. Мошенничество - это искусство само по себе, особенно если я собираюсь обмануть Сяо Яня, который всегда выбирает бегство, а не борьбу. Черт, черт, черт». Глаза Дун Хуа оставались закрытыми; казалось, он никак не реагировал, но ливень внезапно усилился. Он обрушился на лес, как устрашающая армия. Фэн Цзю вздрогнула и придвинулась к нему поближе. Она почувствовала себя спокойнее, когда ее ноги коснулись ног Дун Хуа. В это время Владыка вдруг заговорил: «Я не знал, что ты так беспокоишься за Янь Чиу».

У Дицзюня была манера говорить непонятные вещи. Она знала его двусмысленный стиль речи, но не следовало ли ему хотя бы в этот момент сказать что-то вроде: «Обман требует тщательной подготовки. Кажется, тебе стоит поработать над уровнем интеллекта» или что-то подобное? Не зная, что сказать, Фэн Цзю по какой-то причине выпалила: «Я беспокоюсь, что Сяо Янь не поможет мне украсть плод Саха в следующее полнолуние...» В тот момент, когда ее слова слетели с губ, лицо Фэн Цзю побледнело, и она поспешила поправить себя: «Вообще-то я имею в виду...»

Дождь заметно поутих. Капли дождя стекали по прозрачной стене силового поля. На фоне потеков воды виднелось смутное изображение Дицзюня, развалившегося на диване, его длинные серебристые волосы рассыпались, словно ярды атласного шелка. Фэн Цзю тупо наблюдала за отражением Дицзюня на стене силового поля. Воровство никогда не считалось

благородным занятием. Вдобавок ко всему, она должна была поддерживать репутацию Цинцю как королева. Если Дун Хуа передал бы эту историю королеве Бийняо или, что еще хуже, ее родителям, она бы не сносила головы. Она открыла рот, желая сказать пару спасительных строк, но ее остроумие подвело ее в самый ужасный момент. Наконец Дун Хуа заговорил первым. Его голос был заметно мягче: «Ты встречаешься с Янь Чиу сегодня вечером, чтобы украсть плоды Саха?» Фэн Цзю нервно рассмеялась и отодвинулась к спинке дивана.

- Нет, нет, ни в коем случае. Как я, королева Цинцю, могу совершить такой позорный поступок, как воровство? Ха-ха, ты неправильно расслышал...

Дун Хуа схватился за голову и сел. Фэн Цзю с тревогой наблюдала, как он потирает висок, пока он продолжал тем же мягким голосом: «Ах, тогда я, возможно, ослышался. У меня немного болит голова, можно я обопрусь на тебя?» Она ощутила мягкое касание ее волос. Каждое движение Дун Хуа будоражило ее сердце. Она тут же любезно предложила: «На меня будет неудобно опираться. Давай я наколдую тебе подушку...» Ее глубокомысленность не принесла плодов. Дун Хуа снова начал тереть висок.

- Мне показалось, или ты сказала, что в полнолуние следующего месяца...

Фэн Цзю среагировала быстро. Не дав ему закончить, она быстро подвинулась и уложила его голову к себе на колени.

- Тебе так удобно? Или мне прилечь, чтобы ты отдохнул? Тебе будет удобнее, если я лягу лицом вверх или лицом вниз?

Как только он удобно устроился у нее на коленях, он открыл глаза и спросил: «Тебе удобнее сидеть или лежать?»

Фэн Цзю на секунду представила себе, что будет, если им придется лечь...

- Сидеть удобнее, - быстро сказала она. Дун Хуа снова закрыл глаза.

- Тогда ладно.

Наблюдая за спящим Дун Хуа, Фэн Цзю вспоминала те дни, когда ей тоже нравилось спать у него на коленях, когда она была маленькой лисичкой. В те дни, когда лепестки Фулин падали ей на голову, Дун Хуа смахивал их для нее. Потом он даже гладил ее мягкий пушистый мех. В такие моменты она не упускала случая лизнуть его руку в ответ... она вздохнула, пытаясь унять поток воспоминаний. Как забавно сложилась жизнь, теперь была его очередь отдыхать у нее на коленях. Если Дун Хуа пролежит так еще двенадцать часов... ей придется купить лекарство, чтобы вылечить онемение.

Потерявшись в собственных блуждающих мыслях, из задумчивости ее вывел голос Дун Хуа: «У

меня холодеет рука, вероятно, от потери крови. Раз уж тебе нечем заняться, не могла бы ты согреть меня?» Фэн Цзю долго смотрел на его поднятую руку, прежде чем ответила: «Мужчины и женщины должны держать дистанцию...» Дун Хуа лениво протянул: «После сегодняшнего вечера я планирую встретиться с королевой Бийняо и спросить ее, как вырастить плод Саха. Как думаешь, мне следует...» Фэн Цзю сразу же схватила его правую руку, которая, предположительно, замерзла от потери крови, и сказала со всей серьезностью: «Дистанция-дурстанция. Это самое глупое правило, которое когда-либо придумывали моралисты».

Она взяла его руку, касаясь ее с величайшей осторожностью.

- Владыка доволен теплом от моих рук?

Дицзюнь, естественно, был очень доволен. Он снова безмятежно закрыл глаза.

- Я немного устал, хочу спать. Устраивайся поудобнее.

Как, черт возьми, она должна была чувствовать себя комфортно в этой ситуации? Она же не может уложить его драгоценную голову и руку на землю? Когда его дыхание стало более ровным, она не смогла удержаться и наклонилась, чтобы скорчить ему рожу, и едва слышно пробормотала: «Ты просто сидел и смотрел на нашу битву от начала до конца, и у тебя хватило наглости сказать, что ты устал и хочешь спать? У меня важное дело, а вместо этого мне приходится тебе прислуживать. Я устала в разы больше!» Эти слова ей хватило духу только прошептать. Он не видел ее, не слышал, но этого было достаточно, чтобы немного выпустить пар. Между прочим, ее выбившиеся из-под прически волосы свободно свисали и касались его ушей. Прежде чем она успела поднять голову, Дун Хуа внезапно открыл глаза. Он долго смотрел на нее со смешинкой в глазах.

- Ты сказала, что я просто сидел и смотрел?

Он сделал паузу и посмотрел на ее невинное лицо.

- Как ты можешь так говорить? Да, я сидел рядом и очень серьезно... - без малейшего намека на скромность он закончил свою фразу, - подбодрил тебя.

«...»

На следующее утро, когда Фэн Цзю очнулась ото сна и вспомнила события прошлой ночи, у нее было три вопроса, на которые она не могла ответить.

Во-первых, рана на правой руке Дун Хуа выглядела слишком подозрительно. Она не верила, что это произошло, потому что она упала на него после нападения Мяо Ло. Она все еще помнила, как крепко он держал ее в руках, и насколько быстро лезвие пронзило демоницу.

Ничего не указывало на то, что он был сильно ранен.

Во-вторых, отношение Дун Хуа к ней всегда вызывало недоумение, но поскольку она была слишком занята текущей ситуацией, у нее не было времени подумать об этом. Честно говоря, было вполне разумно полагать, что поскольку Дицзюнь должен был выждать двенадцать часов для полного очищения от пагубного духа, он не возражал пожертвовать своей собственной рукой, чтобы удержать ее рядом и таким образом не заскучать. Но был ли скучающий Владыка настолько нелеп? Ладно, он определенно был очень скучающим и очень нелепым человеком, независимо от того, как на него смотрели. Но неужели ему действительно было так скучно? Не слишком ли это абсурдно? Она не должна так плохо думать о Дицзюне. Поразмыслив еще немного, она вообще оставила эту тему. На самом деле ее разумные объяснения были не лишены смысла...

Третий вопрос: Фэн Цзю сразу же узнала свою кровать и мягкое одеяло в Доме Шторма. На углу одеяла было несколько вышитых пионов, которые она распустила на маргаритки, когда практиковалась в шитье прошлой ночью. Она вспомнила, как засыпала под протяжный шум дождя и ровное дыхание Дун Хуа. За завесой дождя небо было усыпано звездами. Ей было тепло, потому что она была вынуждена держать руку Дун Хуа, а его тело тоже излучало тепло. Она постепенно склонилась к его драгоценной голове и заснула. Она ясно помнила, как прислонилась к дивану Дун Хуа. Сначала ей было холодно, но по мере того, как она засыпала, становилось все теплее и теплее. По этой причине заснула она беспробудным сном. Но почему сейчас она проснулась в своей комнате?

Завернувшись в одеяло, она задумалась, не было ли все это лишь сном желтого проса [1]. Было пятнадцатое число, и она пошла выпить с Мэн Шао и Сяо Янем. Девушки были прекрасны, вино пьянило, и до сих пор она была без сознания. Благодаря своему богатому воображению она вполне могла выдумать такой реалистичный сон. Да, возможно. Когда она собиралась спуститься вниз, чтобы умыться, Сяо Янь поднял занавеску и вошел.

У Фэн Цзю непроизвольно задергался глаз. Наряд Сяо Яня был очень уникален сегодня. Сверху на нем была красная шелковая рубашка, снизу - блестящие брюки ячменно-зеленого цвета. На плече у него висела шаль, такая же блестящая и зеленая, как и его брюки. Он выглядел точь-в-точь как гигантская морковка, только что вытащенная из снега.

Гигантская морковка горестно посмотрела на Фэн Цзю.

- Кое-кому приглянулся этот дом и мне велели съехать. Я уже собрал вещи и пришел попрощаться с тобой. Время безгранично, я приду в гости, когда освобожусь.

Фэн Цзю не понимала, что происходит.

- Ты все еще спишь или я все еще сплю?

Морковка быстро приблизилась к Фэн Цзю, но остановилась в трех шагах от нее.

- Я не могу подойти к тебе ближе. Дело вот в чем...- его голос вдруг поднялся высоко, когда он умоляюще выдал. - Не засыпай, сначала выслушай меня!

Выслушав беспорядочную речь воина Сяо Яня, Фэн Цзю поняла, что все произошедшее не было сном. По словам Сяо Яня, прошлой ночью, отправившись на разведку, он заблудился на полпути. Когда он вернулся, Фэн Цзю уже нигде не было видно. Переживая, он искал ее всю ночь, но безрезультатно. Когда он усталый вернулся в Дом Шторма, то с удивлением обнаружил маленькую алую лисичку, крепко спящую на ее кровати. Его заклятый враг Дун Хуа Дицзюнь сидел в трансе, наблюдая за спящей лисой. Это был такой транс, что он даже не заметил, как Сяо Янь подошел ближе. Сяо Янь подумал, что это довольно странно, поэтому, когда Дун Хуа ненадолго покинул комнату, он воспользовался шансом прокрасться внутрь. В этот момент Сяо Янь стал несколько эмоциональным. Он сказал, что не знал, что алой лисой на кровати была Фэн Цзю. Он подумал, что это новое редкое животное, которое Дун Хуа поймал на охоте. Она была так восхитительна, что он не смог удержаться и взял ее на руки. Тогда-то и случилась трагедия.

Фэн Цзю взглянула на забинтованную руку морковки, которая напоминала свиное копыто, и засмеялась: «Я что, выдохнула огненный шар и обожгла твою руку во сне? Я же говорила тебе, что я довольно опасна».

- Нет, вовсе нет, - ответила морковка. - Ледышка появился из ниоткуда и стоял, прислонившись к дверному проему. Я не успел среагировать, как мои руки уже превратились в это. Они так сильно болели, что мне пришлось бросить тебя обратно на кровать. На удивление, даже это тебя не разбудило. Потом я с горечью обнаружил, что не могу подойти ближе, чем на три шага к твоей кровати. Я собирался отомстить, когда Ледышка вдруг спросил меня, живу ли я с тобой, и как долго.

Фэн Цзю почесала в затылке и объяснила морковке: «Так бывает. В холодные дни, когда я засыпаю, я бессознательно возвращаюсь в свою первоначальную форму. В таком виде я не чувствую холода и намного лучше сплю. Но что имел в виду Дицзюнь?..»

- Я тоже не знаю. Но, честно сказать, я не помню, как долго мы жили в этом месте. Я не помнил точно, поэтому сказал ему - шесть месяцев или около того. Я был занят попытками вспомнить точное время, поэтому не обратил на него внимания. К тому времени, как я обернулся, он уже использовал на мне заклинание паралича. Он нахмурился и долго смотрел на меня, а потом ни с того ни с сего сказал, что я ему нравлюсь.

Фэн Цзю упала и ударилась головой о спинку кровати. Человек, который все еще не понимал, что произнес смертельно незавершенную фразу, продолжал жаловаться: «Ни с того ни с сего заявил, что ему нравится мой садовый домик». Затем он остановился и удивленно посмотрел на Фэн Цзю.

- Как ты ударилась головой? Больно? Ух ты, какая большая шишка!

Фэн Цзю замахала руками, показывая, чтобы он продолжал. Сяо Янь озабоченно сказал:

«Помассируй эту шишку. Нужно потереть ее, чтобы кровь не свернулась. А, я говорил, что ему нравятся мои условия жизни? А больше ничего и не случилось».

- И это все?

- Он сказал, что наша резиденция ближе к школе, а его - слишком далеко от нее. На территории нашего поместья есть рыболовный пруд, а у него - нет. Ему некому готовить, а здесь есть ты. Поэтому он хотел поменяться местами со мной. Поскольку я человек услужливый и бескорыстный, я согласился. Я здесь, чтобы упаковать вещи и попрощаться. Даже если я буду скучать по тебе, разве мы, бессмертные, не получаем счастья, помогая другим?

Фэн Цзю была честна в своем ответе: «Я действительно слышала, что небожитель обретает счастье, помогая другим, но я никогда не слышала, что демона может осчастливить то же самое».

Она сделала паузу.

- Ты легко поменялся местами с Дицзюнем, потому что знаешь, что с тех пор, как он прибыл в долину Фаньинь, королева Бийняо специально поручила Цзи Хэн служить ему. Разве не это твой истинный мотив?

Гигантская морковка не могла скрыть своего изумления. Сяо Янь потер свой нос и нерешительно признал: «Это... Хорошо, ты права. Если дело выгорит, я приглашу тебя на нашу свадьбу в качестве особого гостя». Он подумал еще немного и добавил: «И не возьму с тебя поздравительных денег».

У Фэн Цзю начала болеть голова. Она махнула рукой: «...Хорошо, теперь я все понимаю. Поскольку на этот раз мы потерпели неудачу, перенесем нашу договоренность на 15-е число следующего месяца. Ты ведь придешь, правда?»

Сяо Янь кивнул и направился к двери. Затем он резко повернул голову и торжественно произнес: «Есть еще кое-что. Мне очень жаль, что я воспользовался преимуществом и обнял тебя в твоём первоначальном виде. Мы друзья, и мне не следовало использовать тебя в такой ситуации. Когда захочешь, только скажи, и я позволю тебе воспользоваться мной в ответ».

Фэн Цзю помассировала свою шишку.

- Нет необходимости.

Сяо Янь настаивал на компенсации своей милой сестричке. Он мягко сказал ей со всей серьезностью: «Ты не должна обо мне переживать. Если я воспользовался тобой, ты должна отплатить мне тем же. У меня плохая память, я могу и забыть про это через день-другой. Эй,

может тебе стоит воспользоваться мной дважды. Мы даже можем подсчитать проценты».

- Уходи!

Снаружи под утренним светом на ступенях стелился туман. Фэн Цзю крепко укуталась в одеяло и некоторое время просто задумчиво сидела. В окно она увидела коричневое дерево, странно выделяющееся на общем фоне своим лучистым зеленым цветом. Она долго не могла отвести от него взгляда.

Снег шел в долине Фаньинь все четыре сезона. Иногда, когда небо было ясным, снежный пейзаж казался туманным в солнечном свете. После полугода разглядывания этого пейзажа Фэн Цзю сильно скучала по буйству красок мира снаружи. Мэн Шао рассказал ей, что более двухсот лет назад в долине Фаньинь тоже было четыре разных сезона. Этот круглогодичный снегопад был лишь недавним явлением последние двести лет. И если копнуть глубже, всплывет имя знаменитого архимага клана Бийняо Чэнь Е, который искал уединения в течение многих лет.

Говорили, что этот архимаг по неизвестным причинам однажды заперся дома, вложил три сезона в свой меч и спрятал его в рукаве. В течение многих последующих лет он не покидал своего дома. С тех пор долина Фаньинь была лишена весны, лета и осени.

Мэн Шао также упомянул, что Чэнь Е оплакивал уход Араньи [2]. После того, как она ушла, королева запретила упоминать ее имя. Некоторые говорили, что когда Аранья была среди них, она особенно любила весну, лето и осень, потому что они были полны жизни. Когда Чэнь Е забрал эти три сезона, он хотел напомнить всему королевству, что даже не произнося имя Аранья, они никогда не смогут забыть ее.

После этих слов, Мэн Шао внезапно замолчал, как будто он и так поведал о том, о чем не следовало. Наслаждаясь вином, Фэн Цзю слушала его с восторгом и ей было любопытно, каким человеком была Аранья, но Мэн Шао больше ничего не сказал, и она не стала настаивать.

В это время, когда она смотрела на унылую белизну снаружи, Фэн Цзю внезапно вспомнила историю, которую она слышала шесть месяцев назад. Но сейчас Фэн Цзю больше не интересовали взлеты и падения истории Чэнь Е и Араньи. Она чувствовала только чувство потери. Если бы холодная зима была любимым временем года Араньи, долина могла бы сохранить весну, лето и осень, и всем бы не пришлось страдать из-за этого. В этот момент она услышала, как кто-то чихнул. Фэн Цзю подняла глаза и заметила уголок пурпурной ткани среди безрадостного снегопада.

Ошеломленная на мгновение, Фэн Цзю вытянула шею и устремила свой взгляд в окно мимо коричневого дерева. Дун Хуа сидел один рядом с прудом на сломанном складном стуле, сделанном из дерева ююба, и Фэн Цзю только диву давалась, как он мог оставаться таким царственным. Впрочем, как и подобает Владыке. Но она помнила, что в прошлом отправляясь на рыбалку, он обычно нежилась на солнышке или развлекал себя парой сутр. На этот раз, однако, он смотрел глубоко в водную гладь, как будто вся его душа была помещена в эту

удочку.

Хоть и видя его издалека, Фэн Цзю не могла сдержать восхищения. Казалось, он был чем-то озабочен. Но даже его задумчивый взгляд был убийственно великолепен.

Почему Владыка вдруг захотел поменяться покоем с Янь Чиу? Что Сяо Янь сказал минуту назад? Он сказал, что Владыка решил, будто Дом Шторма был ближе к школе, имел красивые пейзажи, рыбацкий пруд и хорошего повара? Если бы Сяо Янь не напомнил ей заранее, она могла бы поверить в эту глупость. К счастью, Сяо Янь предупредил ее. Это были лишь так называемые любовные неурядицы между Дун Хуа и Цзи Хэн. Она нахмурилась. Была ли это еще одна тактика, используемая, чтобы расстроить Цзи Хэн?

Дун Хуа согласился, чтобы Цзи Хэн и Сяо Янь были друзьями, но он, должно быть, был обеспокоен, когда они действительно стали близки. Тот раз, когда Дун Хуа спас ее и позволил спать в своей постели, был его первым возмездием Цзи Хэн. К несчастью, она все испортила. Во время уничтожения Мяо Ло, Цзи Хэн также присутствовала. Дун Хуа снова попытался расстроить ее, но она убежала из ревности. Дун Хуа, казалось, был доволен этим. Ведь после того, как Цзи Хэн убежала, а Фэн Цзю осталась, чтобы помочь ему, он, казалось, был в хорошем настроении, особенно когда она помогла ему заснуть. Обмен резиденциями с Сяо Янем должен быть третьим актом пьесы. Когда Цзи Хэн не сможет больше терпеть и придет к нему вся в слезах, он выхватит разрешение на брак, и эти двое наконец помирятся.

К тому времени, даже если бы Сымин вырезал судьбу Цзи Хэн и Сяо Яня в камне, это не сработало бы.

После того, как Фэн Цзю разобралась в этой путанице, она внезапно поняла, что Дицзюнь был слишком сложным человеком. В то же время, она явно становилась мудрее в эти дни, раз могла разглядеть такие хитросплетения в его отношениях. Но, похвалив себя, она внезапно впала в ступор; а затем на нее навалилось глубокое чувство пустоты. По ее мнению, Дун Хуа был действительно очень предан, когда речь шла о Цзи Хэн.

Сквозняк проникал в оконные щели. Чихнув, она вспомнила, что на краю кровати лежит плащ. Она накинула его на плечи и встала. С другой стороны вдруг послышался шепот: «Если бы Чжунлинь был здесь, чай был бы уже заварен».

Фэн Цзю с удивлением посмотрела в направлении этого голоса. Ее глазам предстал Дун Хуа, который открыл крышку пустого чайника и заглянул внутрь. Она понятия не имела, когда он вошел в ее комнату, но для того, чтобы вот так запросто ворваться в чужие покои, требовалась немалая сила духа.

Она наблюдала за ним долгое время. После того случая с Мяо Ло, она хотела дистанцироваться от него, но ее не хватило и на полмига. Не раздумывая, она выпалила: «Тогда почему ты не привел с собой в долину Чжунлиня?»

Дун Хуа поставил пустой чайник на стол.

- Зачем мне его приводить, когда ты здесь?

Фэн Цзю надавила на вздувшиеся вены на ее виске.

- Почему ты не можешь привести его, если я здесь?

- Будь он здесь, я не смог бы беспокоить тебя, - легко ответил он.

Фэн Цзю хотела возразить: «Значит, если его нет, ты без зазрения совести можешь меня беспокоить?», но она поторопилась и выпалила: «Почему тебя будет мучить угрызения совести, если ты побеспокоишь меня, пока он здесь?»

Дун Хуа посмотрел на нее и кивнул.

- Ты права. Я все еще могу беспокоить тебя, даже если он здесь.

Он поднял со стола корзину для рыбы и плавно протянул ей.

- Ты приготовишь что-нибудь поесть?

Через некоторое время Фэн Цзю, наконец, поняла, что она сказала, и что Дун Хуа сказал в ответ. Сильнейший приступ мигрени сжал ее голову. Она помассировала висок и заглянула в корзину.

- Иногда мне кажется, что ты слишком толстокож.

Лицо Владыки оставалось совершенно спокойным.

- Не могу сказать, что ты погрешила против истины.

Он снова подтолкнул к ней корзину с рыбой.

- Свари ее на парú, ладно?

Она заглянула в корзину. Карась вдруг подскочил, ударился о стенку и упал обратно вниз. Она быстро попятилась.

- Ты хочешь сказать... мне придется его убить?

Дун Хуа взглянул на рыбу, которая прыгала в корзине.

- Разве я выгляжу так, будто хочу, чтобы ты его освободила? [3]

- Я думала, бессмертные из Девяти Небес не убивают невинных существ, - сокрушалась Фэн Цзю.

- Ты неправильно нас поняла.

Не получив от нее ответа, он спокойно бросил взгляд мимо нее, а потом внезапно сказал: «Я все еще смутно помню ту ночь, когда ты сказала про пятнадцатое число следующего месяца...»

Фэн Цзю вздрогнула, ее сонливость как рукой сняло. Она прервала Дун Хуа: «Нет, нет, тебе это приснилось. Я ничего не говорила, а ты ничего не слышал». Фэн Цзю увидела, как заблестели глаза Дун Хуа. Она посмотрела на бамбуковую корзину в своих руках и поспешно сказала: «Это, конечно, большая честь - готовить для Владыки. Я уже давно мечтала приготовить что-нибудь для тебя, но мне не представилось возможности. Ты сказал, что хочешь рыбу на парú? Важно знать, что есть много способов приготовить рыбу на парú. Мне порезать рыбу в виде лепестков пиона или сделать кусочки помельче, как у магнолии? Может добавить грибы шиитаке и тоже потушить? Или, если ты любишь шиитаке, я могу зафаршировать их с рыбой». В прошлом, когда они жили во дворце Тайчэнь, ей нечего было противопоставить Цзи Хэн. По правде говоря, она всегда хотела продемонстрировать свое кулинарное мастерство, но у нее никогда не было такой возможности.

Карп внутри забился, и корзина выскользнула из рук Фэн Цзю. К счастью, Дун Хуа схватил ее вовремя. Холод пронзил ее руку, когда она поняла, что он держит ее. Его голос прозвучал над ее головой: «Ты поняла, наконец?» Он помолчал, потом сказал: «Приготовь первое блюдо сегодня, второе завтра, потом, может быть, одно с чесночным соусом послезавтра».

Почему он загадывает так далеко вперед, подумала Фэн Цзю. Ее взгляд упал на запястье Дун Хуа - его рукав был испачкан кровью. Она ухватила за корзину и, кивком указывая на рану, спросила: «Что у тебя с рукой?»

Глаза Дун Хуа блеснули; он, казалось, не думал, что она заметит это. Он мягко ответил: «Моя рана открылась, когда я нес тебя домой». Затем он принялся изучать ее лицо.

- Ты несешь чушь, я же не такая тяжелая! - запротестовала Фэн Цзю.

- Я думаю, что тебя должна волновать моя раненая рука, а не вес твоего тела.

Держа в руке рыбную корзину, она подошла поближе.

- О, тогда почему у тебя такая слабая рука?

-... Потому что ты слишком тяжелая.

Фэн Цзю вспыхнула от гнева.

- Но это же абсурд, разве я когда-нибудь бываю тяжелой?

Это прозвучало на редкость знакомо, как будто они вернулись к предыдущему спору. Пока она размышляла над этим, Дун Хуа вдруг поднял руку. Она быстро нырнула в сторону.

- Я никогда не поднимаю руку, когда проигрываю спор против тебя. Поэтому, когда ты проигрываешь мне, ты тоже не можешь поднять на меня руку.

Его рука поднялась и опустилась на ее голову. Ее волосные фолликулы покалывало там, где лежала его рука. В комнате вдруг стало тихо. Они даже слышали звук падающего на землю снега с коричневого дерева. Все ее существо пришло в смятение. Что за представление сейчас разыгрывал Дицзюнь? Она осторожно подняла глаза и поймала его спокойный терпеливый взгляд.

- Тут клок спутанных волос. Сяо Бай, ты не расчесала волосы, когда проснулась?

Разговор сменял направление слишком быстро. Это был второй раз, когда он назвал ее Сяо Бай. Лицо Фэн Цзю покраснело, когда она пробормотала: «Т-т-ты... ничего не знаешь. Это в моде в этом году». Она взяла корзину с рыбой и выбежала из комнаты. Густой снег покрывал обширный двор. Фэн Цзю дотронулась до своего пылающего лица, пока бежала, гадая, с чего бы ей краснеть и заикаться. Ведь это не потому, что Дун Хуа назвал ее Сяо Бай, не так ли? Было ли это потому, что она была недовольна своим именем, и ей нравилось, когда Дун Хуа называл ее так? Она решила, что слишком сентиментальна и мягкосердечна. Что она будет делать, если люди воспользуются ею?

---

[1] Китайская идиома «сон жёлтого проса» (黃粱一夢) описана в рассказе «Заметки о жизни во сне» (南柯一夢), которую написал Шэнь Цзицзи во времена правления династии Тан (618—907 гг.). Легенда повествует о молодом учёном по имени Лу Шэн, которому удалось изменить свою судьбу, после того как он увидел за обеденным столом сон длиной в жизнь.

Однажды вечером, войдя в трактир в городе Ханьдане, Лу Шэн заметил пожилого человека, лицо которого показалось ему добрым. Подсев к нему за столик, Лу Шэн рассказал старцу о том, что неоднократно пытался поступить на гражданскую службу, но ни разу не смог сдать экзамен успешно. Седовласый старик терпеливо выслушал жалобы молодого человека.

Узнав о трудностях Лу Шэна, старец предложил ему оставить самолюбие и мирские желания и начать изучать Дао. Но Лу Шэн отказался. Молодой учёный и не догадывался, что пожилой

господин, сидящий с ним за одним столом — не кто иной как Люй Дунбинь, один из знаменитых Восьми бессмертных Даосов.

Пока они томились в ожидании блюда из жёлтого проса, которое Лу Шэн заказал у хозяина заведения, Даос предложил молодому человеку подушку.

— Положите на неё голову и усните! — сказал Даос. — Вас ждёт слава и почёт, и всё, что вы захотите, будет исполнено по вашему желанию. Попробуйте, господин!

Положив голову на подушку и тут же заснув, Лу Шэн увидел, как он, наконец, успешно сдаёт высший императорский экзамен! Благодаря этому молодой учёный вскоре получает должность правительственного чиновника, становится богатым и женится на красивой девушке. Однако на пике карьеры его незаслуженно обвиняют в надуманных преступлениях и приговаривают к смертной казни.

Император, тем не менее, узнав, что Лу Шэн ни в чём не виноват, сохраняет ему жизнь.

Прошли года, Лу Шэн прославился своими гражданскими и военными талантами, его семья обрела большой почёт и богатство. Он прожил увлекательную жизнь, взойдя к вершине успеха. Но в возрасте восьмидесяти одного года тяжёлая болезнь его сразила, и Лу Шэн умер.

Вдруг юный учёный, увидев всю свою жизнь, проснулся от толчка. Он оглянулся вокруг и увидел, что обстановка в комнате ничуть не изменилась, когда он заснул, а его каша из жёлтого проса ещё не сварилась. Это был счастливый сон, который в нашем мире длился очень короткое время, хотя молодой человек прожил в нём целую жизнь.

Люй Дунбинь, который всё это время сидел рядом с ним, с улыбкой сказал: «Жизнь человека подобна сну, не правда ли?»

Лу Шэн понял, что это не обычная встреча. Он отказался от своих земных устремлений и, загоревшись желанием изучать Дао, попросил Даоса быть его учителем.

Так и возникла китайская идиома «Сон, во время которого варилась каша из жёлтого проса», или «Сон жёлтого проса» (黃粱一夢, Húáng (хуан; жёлтое) líang (лян; просо) yí mèng (и мэн; сон)).

Изначально эта идиома использовалась в значении «Жизнь как сон». Она напоминала людям, что богатство и слава скоротечны — словно сон, который быстро пройдёт.

Сегодня этим выражением в китайском языке обозначают несбыточные, радужные мечты, «воздушные замки», которые возникают в воображении человека и никогда не сбываются.

[2] Аранья - санскритское имя, которое означает «принадлежащая дикой природе».

Также стоит упомянуть, что долина Фаньинь значит Санскритская долина.

[3] Они говорят о двух общих буддийских концепциях 杀生 sasheng и 放生 fangsheng. В первой идет речь об убийстве живых существ, в другой – об их спасении или освобождении.

<http://tl.rulate.ru/book/32932/733695>